

РИНАТ ВАЛИУЛЛИН

САМАЯ БОЛЬШАЯ
ТРАГЕДИЯ ЛЮБВИ —
СТАТЬ ЛЮБОВНИЦЕЙ.

ЛЕГКО- МЫСЛИЕ

Антология любви

Ринат Валиуллин

Легкомыслие

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)-44

Валиуллин Р. Р.

Легкомыслие / Р. Р. Валиуллин — «АСТ», 2017 — (Антология любви)

ISBN 978-5-17-100015-8

Легко ли сыграть роль любовницы на театральной сцене, если репетировать ее придется в личной жизни? И стоит ли так драматизировать, когда на кону мечта, а спектакль на каких-то пару актов? Новый роман Рината Валиуллина – своеобразная матрешка, где одна история скрывается в другой, одна тема порождает множество, задевает за живое многих – роковых или легкомысленных, многообещающих или пустых. Смешивая настолько разные ингредиенты в одном блюде: природу любви и муки творчества, испанскую корриду и закулисную возню, грусть психоанализа и радость любопытства, – автор лукаво подает его под названием «Легкомыслие».

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)-44

ISBN 978-5-17-100015-8

© Валиуллин Р. Р., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

###	6
Психо 1	6
Капоте	9
Психо 2	11
Психо 3	12
Пасадобль	14
Психо 5	15
Бандерильерос	17
Психо 5	18
Первая терция	20
Пикадоры	20
Психо 6	22
Психо 5	23
Того	24
Психо 5	25
Песок	26
Оле!	27
Психо 5	28
Психо 10	29
Психо 4	30
Психо 6	31
Эстакада-а-ресибир	32
Психо 7	33
Психо 7	34
Лас-Бентас	36
Любо 1	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Ринат Валиуллин

Легкомыслие

Выход всегда есть.

Искренне ваша, Дверь

Клубок из сюжетных линий прежде чем образовать узор распадается на узелки, которые всегда последовательны. Лишь иногда они нарушают порядок, чтобы доставить суть романа в нужное время в нужное сердце.

От Автора

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

В книге использованы рисунки автора – *Ринат Валиуллин*

© Валиуллин Р.Р., 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

###

Психо 1

Дождь капает, снег идет, время бежит. У Вселенной обычная утренняя зарядка. Мало того, что он постоянно сидел в ее голове, так иногда начинал бродить туда-сюда. Не было больше выхода, как налить ему бокал вина, чтобы он уgomонился. В итоге вчера налила два. Благо, что сегодня суббота. Она встала с постели, потянулась, достала, достала всех.

* * *

Я шла по улице, дома останавливались, долго смотрели, потом отворачивались от меня и в конце концов отставали. Может, походка выдавала, что я немного волновалась, ища поддержки, вглядывалась в небо. У неба были серые глаза, и это успокаивало.

– Добрый день, – сказала она в самые жабры домофона. – Мне нужен доктор Аурта.

– Добрый день. Вы по какому вопросу?

– По шепетильному.

– По шепетильному? – переспросили жабры поставленным мужским голосом.

– То есть мне нужна консультация. Я вам звонила две недели назад, может, помните?

– Хорошо, заходите, – засвистел доброжелательно вход, будто зеленый на пешеходном переходе дал добро. «Не помнит», – отметила про себя девушка. Потянула тяжелую дверь за ручку.

– От себя, – помог ей тот же голос. Теперь уже дверь схватила за ее ручку и потянула на себя.

Я провалилась в подъезд, дверь за спиной закрылась, и оставила на пороге всякие сомнения. Внутри дома было тихо, пахло сталинизмом, за стеклом сидела бабушка в очках и что-

то плела, то ли сплетни, то ли интриги. Увидев меня, она еще сильнее прижалась губами к телефону и встала, в это время сдвинулся с места лифт. Показалось даже, что между лифтом и ее посадкой есть какая-то связь. Тяжелый, древний, он надвигался на первый этаж. Бабушка поправила стеклянные глаза и, ничего не сказав, села дальше плести свои кружева. Лифт сразу же остановился. «Прямая связь». Я поднялась по каменным ступеням. Лифт открылся, навстречу вышла та же самая бабка: «Вы к кому?» – «К доктору Аурта». – «Это второй этаж. Пешком вам будет ближе», – захлопнула она по-хозяйски его дверь. «Надо же? А пока молчала, была бабушкой». Ступени подняли меня на второй. Я остановилась напротив выдающейся двери под номером двадцать два, обитой черной кожей, и решительно позвонила. Через минуту замок тяжело захрустел суставами и открыл вид на мужчину в джинсах, рубашке и тапочках. «Неужели это доктор?»

– Проходите, – успокоил он девушку одним только словом. – Администратор сегодня ушла раньше, сам в роли портье.

– Мне кажется, одну из них я встретила, когда заходила в лифт.

– Вы про этих двух милых сестричек?

– Сестрички?

– Старушки тоже бывают близнецами. Я, когда в первый раз их увидел, думал, что у меня раздвоение сознания. Потом привык. Им 180 на двоих.

– Солидно, – начала осваивать обстановку девушка. Тяжелая массивная мебель провожала ее из гардероба, где она оставила свое пальто, в кабинет, стены которого были из шкафов с книгами, последние теснились в очереди за стеклом с одним желанием: «Отдамся в добрые руки». Стены из кирпича, стены из букв, я – стена, доктор – стена, с той лишь разницей, что он уже открыл мне дверь, а мою? Я пришла за тем, чтобы он помог мне ее открыть.

– Присаживайтесь, – предложил психолог девушке место в большом кресле. Сам сел в другое, по диагонали, напротив. Хорошо, что стол остался сбоку и не мог нас разделять, иначе я непременно начала бы туда писать свои мысли. Дайте мне стол, и я найду, что туда написать.

Девушка играла в нерешительность. Было что-то нетронутое, несорванное в ее смуглом образе, будто пришла на съемки к Давиду Гамильтону, но не успела еще скинуть с себя теплое кремовое платье. Тот самый случай, когда образ еще не стал негативом.

– Садитесь, почувствуйте себя как у меня, – указал Герман на кресло, стоящее у стола.

Только теперь девушка как смогла украсила вискозным кремом кожаное кресло. Кресло показалось ей без удобств.

– Как вас зовут?

– Кто? – ляпнула внезапно девушка, исследуя кресло пятой точкой. В кресле было неудобно, не кресло, а чужая тарелка, из которой ее скоро психолог должен был съесть. Даже ее 42-й размер никак не мог найти себе места. Наконец, она закинула одну ногу на другую, колени встали одно на другое, как звенья в одной цепи. Теперь руки, не найдя им место, положила сверху на колени. Закрылась.

– Друзья.

– Друзья – Саня, Саша, родители – Шура.

– Очень приятно, Александра. Я – Герман Николаевич, для друзей – немец, для родителей – Гера.

– А почему немец? – стала она усиленно искать его во мне, будто хотела увидеть срочно подтверждения в виде каски, свастики, Rammstein, на худой конец элегантного акцента.

– Герман – Германия – немец.

– Логично.

– Вам что больше нравится?

– Герман... Николаевич, – добавила она после паузы, рассматривая доктора. «Странный какой-то». У Саши не было большого опыта общения с психологами. Но доктора Аурта она

представляла другим. Взрослого, в теле, в очках, с бородкой. В этом не было ничего похожего. «По крайней мере спокойный, но добрый», – заключила она про себя.

– Можно просто Герман, для экономии слов.

– Хорошо, Герман. Шла к вам долгих две недели, – в собрании сочинений заинтересовали

Шуру часы на стене.

– Разве это долго? Две недели – это всего две субботы.

– Вы все субботамеряете?

– Не я, все так живут.

– А для меня это вечность, – все еще не могла оторваться от часов Саша. Собственно это была рама от картины, в которую вставили цифры и стрелки. Оригинальности добавляло то, что рама была вытянутой, словно панорамный снимок... времени.

– Это потому что вы думали об этом постоянно.

– Это правда. И еще – о вашем слогане, он никак не выходил из головы:

«Выход всегда есть. Искренне ваша дверь».

– Неплохо, – удивленно натянул бровь как тетиву доктор, будто хотел стрельнуть взглядом на поражение.

– Вы сами это придумали? – увернулась от выстрела Саша.

– Нет, дверь.

– Вы смешной.

– Да, бывает, а вы... по какому вопросу? – снова попытался смутить пациентку доктор.

– Я тоже смешная, но вопрос сложный. Я даже не знаю, с чего начать, – на мгновение приоткрыла замок, но тут же снова захлопнула и вернула ладони на свое колено Александра. – А теперь он мне показался еще сложнее.

– Почему?

– Вы совсем не похожи на психолога.

– А на кого я похож?

– Самое большее на педиатра. Взгляд слишком добрый, хоть вы и пытаетесь быть серьезным. Прямо не удивлюсь, если вы мне сейчас дадите игрушку, чтобы я вела себя тихо. Чтобы не заплакала.

– Это можно, только накину жилетку, – сделал вид, что поднимается Герман.

– Давайте без спецодежды, – засмеялась пациентка.

– Чем серьезнее я отношусь к миру, тем несерьезнее к себе. Игрушек, правда, нет. Могу дать четки, взял он их со стола и показал Саше.

– Что с ними делать?

– Перебирать.

– Боюсь, это будет перебор. Если я начну перебирать все свои проблемы, у меня денег не хватит на следующий визит.

Смуглая кожа, темные волосы, широкие плечи, худые впадины над ключицами и едва уловимый аромат симпатии. Лицо, да, пожалуй, что лицо. Что-то с ним было не так, большие томные глаза. Два черных солнца садилась в белые моря. Глаза внушали доверие, встретить которое – большая редкость сегодня.

– Так что вас ко мне привело?

– Я изменяю мужу.

– Хо-ро-шо, – растянул Герман «только начнешь доверять человеку».

В кабинете повисла пауза, в которую уместилась целая сцена. Герман представил, как Шура возвращается домой.

Капоте

Впервые Тино увидел ее на День города, когда она, маленькая принцесса, проехала рядом с его носом по центральной улице. Он сидел на плечах отца, которого теснила толпа зрителей на тротуаре, она – в открытой карете, с розовым бантом улыбалась прямо в него. Эта роза проткнула его душу, с первого взгляда взяла и превратилась в куст приятных воспоминаний и приятных грез. После этого он постоянно искал встречи с ней, будь то День города, Рождество или другой праздник, высматривал в полисаднике знати свою розу. Лишь через несколько лет, когда отец взял его на корриду, Тино нашел ее в бинокль в ложе для почетных гостей. Она выросла, расцвела, только роза уже на плече и красного цвета.

– Кого ты там высматриваешь?

– Это дочь герцога? – передал бинокль отцу и указал на трибуну напротив, шурясь от солнца, которое в этот день палило как никогда, как никогда в лицо, потому что трибуны в тени стоили бешеных денег.

– Их там две. Виктория и Хуана.

– Вторая некрасивая.

– Это Хуана.

– Вырасту – женюсь на Виктории.

Отец ничего не ответил, только усмехнулся и пригладил рукой свои черные усы. Он всегда так делал, когда хотел ответить что-нибудь дерзкое, будто успокаивал свои губы, чтобы те не ляпнули лишнего.

– Я знаю, все принцессы влюбляются в тореадоров.

– Ты же собирался быть музыкантом?

– Сам всегда говоришь, одно другому не помеха, – повторил он любимую отцовскую притказку.

– Даже не думай. Да и поздно тебе уже.

– Почему поздно? Пако из соседнего двора ходит в такую школу. Правда, пока вместо быков у них там тачки с рогами. Видел?

Отец кивнул в знак согласия: «Не будь дураком», – взлохматил он челку Тино и улыбнулся.

Сын снова взял бинокль у отца и стал рассматривать ворота, из которых должен был выскочить бык.

– Мы всегда будем на солнце, они в тени, под покровительством больших денег, – продолжал отец перечислять аргументы неравных сословий. – Нам до них, как до Луны на осле.

– Правда, что тореодоры все миллионеры? И денег у них куры не клюют?

– Клюют, еще как клюют. Заведется такая цыпочка, – махнул рукой на девочек из ложи отец, – и все может выклевывать, особенно глаза. Сколько я их знал, молодых, талантливых, ослепших от любви. Хотя бы Хосе Мерчер, какой был матадор, связался с одной цыпой, все на нее тратил. Как он дрался! Все ради нее. А когда бык разорвал ему рогами грудь, дамочка вдруг исчезла, нашла себе другого лопуха. Хосе тогда еле выжил, а карьера коту под хвост.

– Все ради нее, – повторил Тино. – Кажется, я влип.

– Что ты говоришь?

– Ничего. Так обычно говорит дядя Пако. Так сколько они зарабатывают?

– Откуда мне знать, одно знаю, что зарабатывают лишь самые именитые из них. Остальным матадорам хватает только на то, чтобы залечивать раны после боев. Еще и со всей своей командой надо поделиться.

«А тебе, отец, разве самому не хотелось когда-то рискнуть, вырваться, стать не тем, кем получилось, а тем, кем хочется». Пекарня, которая досталась ему в наследство от его отца,

а тому от деда, где вставать надо в 4 утра, чтобы идти к печке, закладывать хлеб, а вечером допоздна месить тесто на следующий день. И так каждый день, без праздников и выходных, хлеб без зрелищ. О чем ты думаешь, отец, когда месишь свой хлеб? Твои движения похожи на то, что ты все еще убиваешь свою мечту. Она не хочет умирать, ты ее в печь, но и этим ее не убить. Ты раздаешь ее по кусочку всем, кто покупает твой хлеб. Возможно, поэтому он такой вкусный. Но и этим мечту не уничтожить. Снова и снова она поднимается ни свет ни заря вместе с тобой, вместе с тестом, чтобы быть избитой твоими сильными руками. Мечты не горят, не умирают, они передаются по наследству».

«У них такие красивые плащи», – ушел в бинокль Тино и прошел по нему за деревянные кулисы, где готовились к представлению матадоры.

Психо 2

Герман представил, как она приходит домой, снимает с себя плащ или внимательный муж, открыв дверь, помогает ей раздеться. Одновременно вдыхая с ее шеи аромат духов и духов чужого мужчины, которого он не чувствует, даже не может допустить. Как он может допустить кого-то к своей жене? К своей верной супруге, с которой у него одна общая кожа. Что там кожа, общие части тел, которые так или иначе они дают друг другу в пользование, пока вместе укрываются одним чувством.

А что она? Она сама невинность. Только голос немного дрожит, хотя держится молодцом, держится за прямой позвоночник. Вид у нее счастливо усталый, как приходят с любимой работы. Она ни в чем ему не откажет. Сегодня она его кожаная софа.

Раздевшись, она вошла в ванную. Зеркало ничего не заметило. «Вот и хорошо». Саша ополоснула лицо и почувствовала, как муж засунул ей руку под бюстгальтер и взял грудь: – Спать, спать, спать, – сказала одна грудь другой. – Я не могу, у меня гость. И вообще, я не хочу спать – ответила вторая.

– Сейчас они подерутся, – прокомментировала диалог мужа Саша.

– Представляешь, две груди подерутся? Они могут, как ты думаешь?

– Если только я убегу от тебя, – спрятала лицо в полотенце Шура, будто в подушку, вспоминая, как несколько часов назад любовь была в ее колокола, пока звонарь, стоя сзади, впивался губами в шею и в спину.

– Куда? – не понял муж.

– Когда я бегала кросс в школе. Они дрались под футболкой.

Муж прижался к ней сзади. Она почувствовала, как он начал твердеть.

– Давай позже, после ужина. Я страшно голодная. Хорошо?

Психо 3

- Что хорошо?
- Не знаю, – улыбнулся доктор. – Хорошо, что пришли. Хорошо, что он не знает.
- Не знает, но догадывается, – опустила глаза Саша, изучая пальцами какую-то невидимую зацепку на платье.
- Но если вы ничего не говорили, то вряд ли. Мужчины слепы, пока женщина сама не расскажет, даже не рассчитывайте. Все подозрения – обычная ревность, она не имеет ничего общего с реальностью. Все люди ревнивы, но некоторых от этого плющит. Потом плющ по всему дому, ходишь и спотыкаешься.
- Если бы вы видели эти сцены.
- Уже вижу: «Мне много не надо, мне надо с собой».
- Ревность переполняет его и выплескивается, почти как у Маяковского: «Я для меня мало, и что-то из меня вырывается упрямо».
- Мне кажется, там было не о ревности.
- Ревность тоже чувство. Иное чувство рождается именно из ревности. Не знаю, было ли у вас такое? Знаете, когда в детстве влюбляешься в какого-нибудь музыканта или спортсмена, но сначала начинаешь интересоваться его личной жизнью, читать о нем, о его интрижках и только потом понимаешь, что ревнуешь его жутко, – оставила Саша в покое крем платья.
- Чего у меня только не было.
- Не было – это наше все. Есть к чему стремиться, – позволила себе пошутить Саша.
- Надеюсь, – улыбнулся ей в ответ Герман. – А с вами это давно? Это чувство.
- Если про ревность, то с детства, если про адюльтер, то как только предложили роль.
- То есть не чувство, а пока только предчувствие, – казалось, разговаривал сам с собой Герман.
- Я работаю сейчас над одним спектаклем, точнее сказать, хочу получить главную роль. В общем-то вопрос решенный. Есть только одно но. Вопрос чести.
- А с кем надо поделиться?
- С главным режиссером.
- Стать любовницей? – начал перебирать четки Герман. Будто это был стартер, который медленно начал крутить ремень ГРМ, запуская мыслительный процесс.
- Именно.
- Театр начинается с вешалки или искусство требует жертв?
- Нет, не то что бы он мне не нравится. Вообще для театра и кино – это вроде как само собой разумеющееся, если ты не звезда, а только хочешь ею стать.
- «Электрики! Ходят тут и зажигают звезды», – отметил про себя режиссерскую работу Герман. «Мы говорим о мечте, подразумеваем карьеру, мы говорим о любви, подразумеваем койку, мы говорим о счастье, подразумеваем достаток. Потом понимаем, что все это подделка, китайская штамповка для массового потребителя. Настоящие мечты легкомысленней птиц, они могут вить гнезда прямо на звездах».
- Что вы подумали, простите, я не расслышала?
- Легкомыслие.
- Вы считаете это легкомыслием?
- В высшей степени.
- «Было бы легкомыслием, пусть я его по первому половому признаку, войди он в меня и выйди. Это было бы легко, и мыслей потом никаких, только главная роль приятно оттопыривает карман», – молча дала лексический разбор слову Саша.

– Нет, я не дура какая-нибудь, что пришла к вам за свои деньги, чтобы вы мне отпустили грехи. В этом случае я пошла бы в церковь. Я не та, на кого похожа сейчас, спокойную, смиренную. И сердце мое порой так несется, будто хочет выскочить из груди за кого-то другого и жить там отдельно.

– Сердце никогда не врет, но может заблуждаться. Давайте еще раз, по порядку. «На чем я остановился? Мечты выют гнезда на звездах, да. Но приходит это поздно, если приходит. Потому что некогда. Получаешь высшее, потом еще одно, а потом любовь одним поворотом головы делает из тебя глупца».

Пятьдесят грамм коньяка, опрокинутые незадолго до пациента, никак не давали сосредоточиться Герману. Янтарный сок позолотил вегето-сосудистую систему, в ветвях которой запели райские птицы. Мозг размяк и уже не хотел умничать, он откинулся на гамак и стал раскачиваться, что-то напевая себе в извилины, будто рабочий день кончился и теперь ему ни в какую не хотелось иметь сверхурочных. Думать не хотелось. Тем временем коньяк развесил все свои звездочки в лабиринтах мыслей, и последние начали весело потирать ручки в предчувствии праздника – следующих пятидесяти грамм. В праздник небо должно быть звездным.

– Давайте.

– Шура, вы были когда-нибудь замужем?

– Иногда, – посмотрела она на свою правую руку, нашла там среди прочих пустой безымянный палец. Потом на пустой безымянный палец доктора. Безымянным без золота было свободно, так свободно, что даже немного одиноко.

– Что это значит – иногда?

– Иногда мне казалось, что я замужем, что он мой муж, что у нас будут дети. Такой детский сад разбит в голове каждой женщины. Мне нравилось, что когда он приходил, то всегда приносил что-нибудь с собой. В основном, праздник. Сначала театр, потом кино, под бесконечные разговоры о его избранности, таланте и признании, потом кино дома, сериалы с доставкой еды домой и снова разговоры о его гении и творческом кризисе. Все. Знакомство исчерпано, только пустой картон из-под «Карбонаре». Точнее сказать, знакомство осталось, любовь исчерпана.

– А в остальное время?

– Я чувствовала себя любовницей.

– Значит, опыт у вас уже есть, это хорошо.

– Будь мне хорошо, не пришла бы. Такое впечатление, что теперь я начала еще больше запутываться в себе.

– Просто вы с собой притащили целую труппу, – улыбнулся доктор. «Ничего, сейчас распутаем, расставим всех по ролям», – крутил в руках четки Герман, перебирая кости по кругу, будто костоправ, который искал слабый позвонок в ее позвоночнике.

– Вам не хотелось крикнуть ему: верни те годы, которые я истратил на тебя?

– Часто.

– У женщины всегда так, она, значит, тратит, а муж – возвращай. Хочется спросить: а чек есть?

– Вы смеетесь?

– Я нет. Вы проверяете меня на профнепригодность. А мне потом с этим жить.

– Нет, это мне потом с ним жить. Поэтому я и пришла. Знаете, что самое сложное в отношениях? Гнетущее ощущение, что чего-то не хватает.

«Самое трудное в отношениях – любить в восемь утра, когда опаздываешь на работу, обнимая в дверях жену, поглаживая рукой ее плечи, на самом деле мысленно уже сметая щеткой снег с автомобиля». «Я люблю тебя», – сказал он в очередной раз. Она вышла из очереди и не поверила. Вышла не сразу, лет пять назад.

Пасадобль

– Если хочешь знать, хорошие музыканты тоже не бедствуют, – будто ответил на его вопрос отец. – Некоторые рождаются в рубашке, а ты с гитарой. Гитарист от Бога. Она в твоих руках так душевно плачет. Многие хотели бы иметь такие же виртуозные пальцы, как у тебя. А здесь что? Будешь все время натекаться на быка, как на тень собственной гордыни, на потеху публике.

Стоило только отцу сказать слово «музыка», как тут же включились фанфары. Музыканты возвестили о начале корриды. Застучали кастаньеты, затянулись трубы. Оркестр включил пасадобль. Все участники корриды вышли на сцену: первыми – верхом на конях выехали распорядители. Они поприветствовали президиум.

– Это президент корриды, рядом его помощники, – объяснил отец Тино, указывая на мужчину в ложе. Тот встал, кивнул головой и снова сел в гардероб других фраков.

Сын снова невольно нашел взглядом свою розу. Та внимательно, затаив дыхание, смотрела на парад. Тино заметил, как она приподнялась с кресла, когда на арену вышли главные герои корриды. Три матадора в роскошных костюмах, закутанные в изысканно расшитые плащи. Они сняли с головы свои каракулевые шапки с ушками и помахали ими сначала президиуму, затем остальным зрителям.

– Знаешь, сколько весит монтера? Около килограмма.

– Ага, – не слушал его сын. Он смотрел в бинокль, и ему хотелось оказаться там, на месте одного из матадоров, чтобы лично отправить воздушный поцелуй юной леди.

– Такой шапкой и убить можно. А костюмы, знаешь, какие они тяжелые?

– Представляю, – все еще не хотел возвращаться со сцены в зрительный зал Тино, чтобы занять свое место на каменных ступеньках среди публики.

– Шесть килограммов каждый, – в голосе отца свербило нетерпение и желание стать хоть на толику ближе к матадорам. – Представляю, как ему жарко. – Вот и пикадоры пошли. За ними бандерильерос, – продолжал комментировать происходящее он.

– А это кто? – наконец, возвращается на место сын.

– Мулы, на них будут увозить убитых быков.

Под звук бубенцов, улетающий вслед за тройкой мулов, матадоры скидывают плащи. Помощники ловко подхватывают их и меняют на плащи-капоте.

Психо 5

– А кто вам больше нравится, муж или режиссер? – смел уже весь снег со своего первого авто Герман. Это была восьмерка, мокрый асфальт, она, как любимая женщина, которая могла завестись с утра, а могла не заводиться из-за вчерашнего мороза, могла заглохнуть на ровном месте и долго играть в молчанку. То капризная, как принцесса, то простая как крестьянка, двухдверная: вход и выход, не считая багажника, полного скелетов.

– Трудный вопрос. Режиссера я знаю давно, еще с театрального училища, когда даже боялась мечтать оказаться в его театре. С мужем все сложнее, иногда мне кажется, что я вообще его не знаю. Чужой.

– Для семейной жизни нужна сила воли. Вы знаете, что это такое?

Саша замолчала, давая понять, что готова послушать определение. «Театр – это одна семья», – отозвалась в ней эхом фраза худрука. Это действительно была та еще семейка со своими пращурами и со своим многоуровневым потомством. Динозавры ходили медленно, говорили медленно, даже медленно смеялись, пытаясь сохранить школу, в которую ходили мы, их дети.

– Сила воли – это встать раньше мужа, приготовить ему кофе. Но мужа нет. Нет силы воли, и можно спокойно спать, – позволил себе зевнуть Герман. – Зачем вам муж? Чужой?

– Откуда вы знаете, что он женат? – она чувствовала, что кто-то начал беспардонно рыться в ее чердаке, под сорванной крышей, в ее романах и читать, читать, читать. Вот что значит пойти к психологу на прием».

– Кто?

– Режиссер.

– Случайно узнал от вас, только что.

– А вы ему нравитесь? Режиссеру? – уточнил на всякий случай Герман. Ему срочно нужно было выпить еще, чтобы быть в курсе событий.

– Мечты сбываются... все зависит от их цены. Хотите жить спокойно – не будите свою мечту. Это цитата из одной постановки.

«Значит, нравится, а может быть, даже обещал взять замуж, когда разведется. Все так делают. Но разводиться сложнее, это не на мосты по ночам смотреть».

– Я бы поставил: хотите жить спокойно – не будите жену. Оставьте в покое женщину. Не надо ее удовлетворять. Дайте ей просто выспаться, и потом вы тоже будете удовлетворены, – поделился опытом Герман.

– Жена – мечта. Неплохо. Приходите домой вечером, а там мечта. Хорошо быть вместе ночью.

«Ночью хорошо спать, а вместе – это мечта многих. Перед сном кто-то смотрит телевизор, кто-то читает книгу, кто-то пьет снотворное, всё что угодно, только бы не начать говорить со своей душой. Завтра надо быть свежим». – танцевали мысли в голове Германа под коньяк.

– Но я-то пока ему не жена, – оборвала музыку в его голове Саша.

– Вспомнился анекдот на эту тему, хотите расскажу? – хотелось как-то снять напряжение с разговора Герману. Электриком он не был, но хорошо владел языком.

– Конечно.

«Девушка, вы выходите?»

– А какая остановка?

– «Понедельник».

– А «замуж» когда?

– Уже проехали.

– Вот дура. Выскочи я вовремя, может, и не пришлось бы выходить по понедельникам».

- А сегодня что, понедельник?
- Нет, к счастью, суббота. Но надо быть готовым.
- Выйдешь замуж, и все становится одним днем. Это правда, – погрузнела как ива на мгновение девушка. Затем поправила свою густую темную крону и улыбнулась. – Хорошо, если субботой.

Бандерильерос

Оркестр продолжал подогрывать публику ритмами труб и ударных. На арену вышел распорядитель с плакатом.

– Видишь плакат?

– Вижу.

– Что там написано?

– Шестьсот, что такое шестьсот? – таращился в бинокль Тино.

– Сейчас на бой выйдет бык весом в шестьсот килограммов. Машина. Судя по весу – хороший бык. А хороший бык – это хорошая коррида. Есть такая шутка: если хочешь попасть на хорошую корриду, ставь не на матадоров, а на быков. Ставь в смысле иди.

– Я понял, папа.

– Это хорошо, что ты все понимаешь. Весь в меня, – прижал он к себе сына.

– А плохие быки тоже бывают?

– Бывают. Ленивые, не хотят драться. Однажды я видел, как быка удалили с поля.

– Без боя?

– Без боя.

– Повезло быку.

– Ему – да, хозяину ганадерии – нет. Для фермера это позор. У них тут свои интересы, свое мясо, своя борьба. Чем лучше быки, тем лучше для бизнеса.

– Лучшие – это какие?

– Умные. Хотя глупых я и не встречал. Бык всегда умен, у него отличная память, удары его трудно просчитать. Их можно только предвидеть, но это дано лишь великим. Бык опасен, в любом состоянии он может наброситься, как бы тяжело ни был ранен, так было с великим Мулетино, когда умирающий бык насадил его на рога и забрал с собой, – кинул взгляд на небо отец. – Помню, как сейчас, он всадил клинок быку точно между лопаток, Мулетино вскинул руки, – отец поднял свои в букву V, – виктория, вот она, уже у него в кармане.

– Виктория, – повторил движением губ Тино.

– И как только победа окатила его с ног до головы и уже поселилась там, именно в этот момент бык в конвульсиях махнул головой, воткнул свои рога Мулетино в пах и подкинул высоко вверх. А когда тот упал, ударил его рогами еще несколько раз и сам рухнул рядом, – он говорил с таким азартом и страстью, что Тино было видно, как у него надувалась вена на виске, будто это была струна, ответственная за его голос, видел, как из-под усов вылетают капельки слюней. Они терялись в клетчатой ткани впереди сидящей рубашки. Тино слушал и наблюдал, как те быстро исчезали в хлопке под палящими лучами.

– Как ты думаешь, им страшно?

– Еще как. Уж они знают, насколько опасен бык. Поэтому матадор должен быть хитер. Для победы ему необходимы три У, – сделал паузу отец, будто ожидая вопроса.

– Что за три У?

– Ум, умение и удача – его основное оружие плюс команда.

– Он ведь все равно убьет быка?

– Убьет.

– Как глупо.

– Что?

– Выходит, что самые умные из быков те, что ленивы и не лезут в драку вовсе?

– Умные они... – спрятал остальные слова в усы отец.

Психо 5

– Почему вы стали звать меня Шура? Александра вам уже надоела?

– Да, вы правильно заметили, слишком закрытая. Сейчас вы открыли свой цербер, – сомкнул и разомкнул свои пальцы для наглядности Герман. «Замок открыт, добро пожаловать на бал», – поставил я ударение в первом слове на первый слог.

– Какой замок?

Доктор показал пальцем на ее руки: – Раньше вы были под замком и держали себя в руках, а теперь развели их, они лежат спокойно на спинках кресла.

– Просто мне надоело держать себя в руках, я их отпустила. По домам. Хочется расслабиться, нет, не так, хочется чего-то позитивного в жизни.

– Чего-то или кого-то?

– И того и другого.

– Может, коньячку?

– Я пас, у меня завтра утром репетиция.

– Опять пойдете к своему рыцарю с косичкой, который распускает ее на репетиции.

«Ее», – выделил я про себя, но Саша этого не заметила.

– И слова, и даже руки... чтобы показать, куда и как должны двигаться наши.

– Кстати, как его зовут?

– Давид.

– И как он собой?

– Сделан он, как настоящий мужчина: из рук, дел и вовремя вставленных слов.

– Можно я выпью с вашего разрешения? Ваша история меня так растрогала.

– Вы хотите сказать утомила.

– Вы томная, а история как история, работа как работа. Что-то я тоже заработался.

– Устали? Отдохните. Как вы обычно отдыхаете?

– Гуляю. Гуляю по дому.

– Отлично! Это откуда?

«Какой пронзительный голос», – мелькнула у меня мысль и тут же заняла очередь за коньяком. «Ничего особенного», – отозвалась впередистоящая. «Ты слишком трезвая, чтобы рассуждать». «Зато ты пьешь как лошадь» И пошло-поехало. Совесть, все время она не вовремя.

«Это от коньяка, детка».

– Кстати, ваш режиссер пьет?

– Конечно, как и нормальные режиссеры.

– А как вы считаете, нормальные психологи могут себе это позволить?

– Вы спрашиваете у меня разрешения? «Я, конечно, все понимаю, клиенты, усталость, суббота. Мне, может, тоже хочется, но я же терплю. Надеюсь, он не начнет распускать руки?» – посмотрела Саша внимательно на сильные волосатые руки Германа, растущие из-под закатанных рукавов рубашки.

– Не начну, – снова прочел он меня. – Даже если вы будете просить. Просто хотел вам предложить прогуляться вместе.

– Вы про коньяк?

– Да. Стоит только выйти немного из себя, и ты дома, – открыл я стеклянную дверь шкафа, достал початую бутылку.

– Ну, скажите, откуда это. Что-то очень знакомое? – звонко засмеялась Шура.

– Это от коньяка, – повторил я вслух свой ответ, снова выпуская джинна из бутылки. Скорее всего это был не джинн, а орел, потому что коньяк был армянский, но летал не хуже. Почему пойманных джиннов держат в бутылках, а орлов в клетках?

– По-моему не хватает какой-то детали.

– А что за деталь? Вы про закуску, наверное? – снова отозвалась хозяйка приятного голоса, который она так легко сдавала всем. Ей было не жалко.

– Знаешь главное правило однолюба? После первой не закусывают.

– Золотое правило.

– И вообще. Хорошему коньяку закуска не нужна, хорошему коньяку нужна компания.

– А если я не хочу быть компанией вашему коньяку.

– Поздно, – махнул пятьдесят Герман. – Я о другом, точнее сказать, о другой. Детали.

– Я, кажется, знаю какой, если вы про жену режиссера, то она тоже работает в нашем театре.

– Пазлы сложились. Она тоже играет в этом спектакле?

– Да, она очень хочет быть Викторией.

– Пожалуй, вам лучше подойдет роль Виктории, а Хуану пусть сыграет жена режиссера.

– То есть вы настаиваете на карьере?

– Безусловно. Лестница в небеса, вопрос только: пешком или на лифте. На лифте, конечно, быстрее.

– Не знаю. Точно уверена, что вниз только на лифте или из окна, если будет мучить совесть.

– Давайте без крайностей, без совести.

– Бессовестно, – улыбнулась Саша.

– Правильно, играть так бессовестно, – согласился я и сделал глоток. Те мысли, что стояли в очереди, расслабились и стали снисходительны.

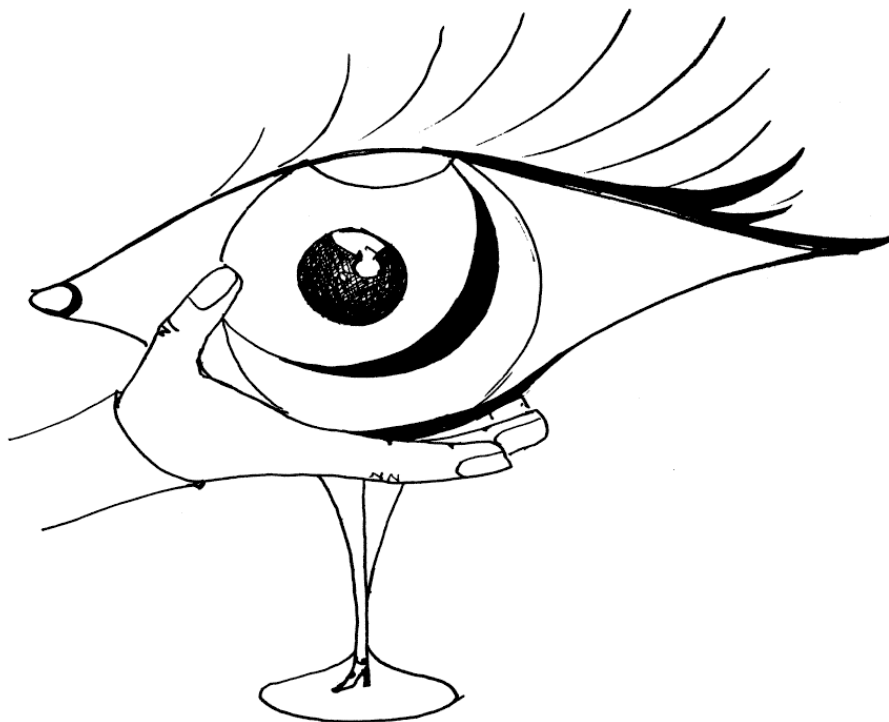
– А вы кого хотели бы сыграть в этой испанской балладе?

– Честно? Я бы предпочел быть тем музыкантом.

– Вы хотите переложить меня из одной постели в другую? В свою.

– Честно? Хочу. Уже часа два как хочу.

Первая терция

Пикадоры

Трубы и барабаны сыграли начало первой терции. Самая нудная для зрителей, самая тяжелая для помощников матадоров, те с облегчением бросили тяжелые плащи-капоте. «Розовый период», – называли они ее про себя за розовый цвет плащей.

– Пять кг, – опередил вопрос сына отец.

– Почему все свистят? – смотрел, как розовый плащ в руках торедора уводит быка от лошади. В это время пикадор засадил копьё в шею быка.

– Традиция. Вроде как пытаются сказать пикадору: «Слезь с лошади, будь мужчиной». Обычно пикадорами работают ветераны корриды. Видел, как он перебил копьём шейную мышцу быка. Знаешь, зачем? Чтобы тот уже не смог поднимать голову.

– Он может его копьём убить.

– Нет, не убьет, скорее наоборот. Раньше лошади были не защищены и погибали, а иногда и пикадоры под ними.

В этот момент бык бросил тореро вместе с розовым плащом, рванул и чуть было не перевернул лошадь вместе с пикадором. После этого пикадор нанес ему еще один укол и оставил истекающего красной Риохой быка на вторую терцию.

Публика оживилась, предвещая самую желанную часть спектакля, самую опасную. На поле вылетели бандерильерос. Они, словно легкие птицы, стали по очереди куражиться над быком, словно его спина была не чем иным, как игровой доской или картой мира, в которую они втыкали бандерильи с флажками своих республик, обозначая владения. Они злили, они выводили быка из себя. Интервенция, кому она могла понравиться. Глаза наливались чувством мести, копыта рыли песок. Ноги бандерильерос – их крылья, на которых он парил. Торерос явно хотели нарваться на неприятности, всякий раз наскакивая на быка, умудряясь просо-

читься сквозь его рога и воткнуть бандерилью в холку. Эверест покорен, кто следующий отважится со своим флажком. Оркестр сыграл окончание второй терции.

Психо 6

– Вы циничны, я даже начинаю вас немного бояться, – чуть поежилась Саша.

– Что вы, я нет. Новости по ТВ куда циничнее, да и не только по ТВ. Сегодня прочел случайно в газете: маленькая девочка гуляла у дома, провалилась в канализационный люк, пролетела десять метров, ни ушибов, ни царапин. Отделалась легким испугом, снизу подпись. Льюис Кэрролл и P.S. Догадайтесь, как звали девочку?

– Так что не бойтесь. Я сделаю вам кофе. Вам чай или кофе?

– Лучше солнца налейте.

– Легко, этого добра у меня полно, – показал на бутылку коньяка Герман.

– Тогда лучше просто воды.

– Воды? Да, чистой воды.

«Чистый лист, чистая вода, будто пришла на причащение. Чтобы уйти с чистой душой. Надо было что-то придумать, мне не хотелось ее отпускать, лучше было бы сказать отпускать так быстро, лучше было бы сказать так далеко. Надо было что-то придумать психологическое».

– Лишь бы это сделало вас счастливей.

– Для счастья ей нужно было немного: уверенность в сегодняшнем дне и безнаказанность в завтрашнем.

– Вы до сих пор не уверены, что мы на дне? – налил он себе еще коньяку и без слов предложил Шуре.

– Хорошо подмечено. Прямо в точку! – рассмеялась девушка. – Бывает, почувствуешь почву под ногами, а это дно, – отказалась она жестом.

– Хорошо, разбавлю вам нашу «воду» артезианской.

«Может, и вода. Мы льем, конечно, как из крана, но это очищает», – чувствовала Саша, что ей становилось легче, будто в разговоре открывались заброшенные когда-то пространства лёгких.

Герман принес воды в высоком элегантном стакане, глядя на который тоже хотелось выпрямиться, чтобы соответствовать. Его тонкие грани поднимались по стеклу и убегали спиралью, можно было вертеть стакан и следить бесконечно, как за лентой Мёбиуса, что и делала Саша, едва взяла в руки стекло. «Сколько судеб утопили из него жажду, придя сюда, чтобы расставить все точки над G, в итоге пригубили или жадно выпили все до дна. Все ради того, чтобы докопаться как минимум до грунтовой, в лучшем – до артезианской воды. А она глубоко, поди докопайся, через осень, грязь, слякоть в душе. Не проходишь же всю жизнь в бахилах».

С мужчинами у нее, как с русским языком, всегда было сложно: глупые ошибки... в основном пунктуационные, то лишняя запятая, то точку забывала поставить.

Психо 5

– Кое-что для меня уже прояснилось, остались детали. Давайте так. Вы читаете страницу из книги с этой страницы и пишете на бумаге все, что придет вам в голову, все, что навеют эти строки, – протянул я книгу с закладкой.

– Почему именно эта книга?

– Исповедь человека, который пытается понять, что с ним произойдет или уже произошло, если он совершит преступление или уже совершил. И какое последует наказание, если последует или уже последовало. Вы читали эту книгу?

– Давно это было.

– Кажется, очень похоже на вашу исповедь.

– Да, писатель замечательный. Это не человек, это произведение искусства.

– Кстати, вы кого будете играть – Хуану или Викторину?

– Вы про спектакль?

– Я про жизнь.

– Вот за этим я к вам и пришла. Будем репетировать.

– Женщина так или иначе будет чувствовать вину, она существо более чувственное. Мужчина – самец. Ему проще. В поддержку ему генетика. Он рожден, чтобы брать, не важно кого, жену, подругу жены, любовницу. Давать всегда было сложнее. Поэтому эта миссия досталась женщине. Она щедра, за это ее не любят те, кому она не дает или не дала.

– Или не даст, – хитро посмотрела на Германа Саша. – Не любят, но помнят.

– Да. Щедрость наказуема.

– А сейчас вы с кем?

– Один.

– Почему расстались?

Мне импонировало то, что Саша не усложняла вопросов и не употребляла лишних определений.

– Как-то после выступления мне подарили цветы. Большой букет роз. Я подарил его своему агенту – женщине по совместительству.

Сашу снова начал поедать смех. Видимо, выходило внутреннее напряжение.

– Да, да, сработала логика, моя логика. Мужики часто на этом горят. Но баба не мужик, у нее свое видение точнее сказать, своя куриная слепота. Часто они не видят очевидного, потому что оно находится дальше их личных интересов. Проекция на будущее только одна, своя. Женщина – интуиция, но как только ее покидает дух провидения, в нее тут же вселяется приведение.

– И чем дело кончилось? Мне просто интересно.

– Будто вы не знаете, чем такие разборки заканчиваются. Я попытался сгладить вину, купил ей букет еще толще. Она выбросила его на обочину: Не надо. Думаешь, мне цветы от тебя нужны? Я живу не в своей жизни... Я чувствую себя старухой рядом... С тобой я просто вяну... Скандал начал нарастать как снежный ком. Из одного букета прекрасных роз он превратился в целую оранжерею шипастых растений. Неинтересно.

Toro

– Это только цветочки, сынок, сейчас начнется настоящая коррида. Многие приходят сюда только ради фаэны, – погладил Тино по голове отец. – Сейчас ты увидишь самое главное. Момент истины.

– Быка убьют? – спросил сын, захваченный грандиозным спектаклем.

– Обязательно.

– Жалко.

– Скорее всего убьют, – смягчил приговор отец. – Бывают случаи, когда им дают свободу, за мужество. Очень редко.

– Отпускают на волю?

– Почти, они становятся племенными. И живут долго и счастливо в окружении прекрасных коров.

Тридцать пять градусов тепла, публика потела, словно женщина перед оргазмом, пахло потом, пылью, на зубах скрипела жажда. Пляж. Где тореадор, словно огромный желто-алый мотылек, махал крыльями, уворачиваясь от бросков быка. И всякий раз, когда тот насккивал на тореро, норовил всадить ему свое жало, два рога, два кубка, чтобы он опьянел от вида собственной крови. С высоты все это было похоже не больше чем на спектакль, настоящие страсти можно было разглядеть только в бинокль. Но в бинокль хотелось смотреть на Викторию.

Психо 5

– Я усиленно пытаюсь ее отговорить от статуса любовницы, неужели она так сильно нравится мне? Что в ней особенного? – глотнул чай Герман, стоя в косяке двери, глядя на Сашу, которая все еще старательно выписывала что-то на листе. Мысли ждали еще пятьдесят коньяка, а он закусывал предыдущую порцию чаем.

В кабинете определенно стало теплее: зацвела дубовая мебель, в окна билось солнце, прилетели птицы и облюбовали полупрозрачный тюль. Стоило Саше что-то сказать, и свежий ветер весны начинал гулять по помещению.

Песок

Солнце жарило так, будто хотело сжечь стадион дотла, еще до начала корриды. Время от времени Тино собирал пот языком со своих губ. Соленый, он заставлял его поверить, что это происходит действительно с ним, коррида, о которой так часто рассказывал ему отец, вот она, под его ногами. Жара и песок, как летом на пляже в Гандии, куда они обычно выбирались в июле, во время отпуска родителей. На пляже спасало море. Здесь спасал бинокль, в который он то и дело прятался, перебираясь с его помощью под тень в ложе почетных гостей, под вуаль к юной герцогине, сидел там до тех пор, пока у рук оставались силы содержать склад призм и линз.

* * *

«Сколько можно писать? Она совершенно не думает о том, что мне придется это читать. Ох уж эти театралы, режиссерам абсолютно плевать на тех, кто будет смотреть их спектакли, как будут смотреть. Одну-две звезды в постановку, и все, зрители придут как миленькие, будут хлопать по окончании и дарить цветы. Как ее теперь остановить?».

Удалился, снова вышел из ее жизни, обратно на кухню. Подлил себе еще чаю, скинул рубашку, вернулся. Снова встал на посту. В этот раз Саша окатила меня взглядом, словно сходил в холодный душ. Это было секунду, не более. Белое пятно в виде моего голого торса отвлекло ее от занятия, но не больше, чем чистый лист. Похоже, в жизни ее встречались белые пятна и поинтереснее. Сколько их еще будет в ее жизни? Таких белых пятен? Мое лишь одно из них. И похоже, уже было, две секунды, до свидания! Следующий. Черные дыры, белые пятна. Она снова бросилась заполнять белые пятна черными дырами. Лист покрывался аккуратными буквами. Он вернулся на кухню, надел рубашку. «А теперь представь, что между вами все уже было, все произошло. Ты покорила, ты взяла, ты успокоился, отключил инстинкты и можешь заняться делом, доктор».

Оле!

Иногда Тино закрывал глаза от солнца и слышал голос своей училки по литературе, которая была без ума от корриды:

«Арена, словно большие песочные часы, была уже истоптана тысячами ног, будто вечерело на пляже. Море волновалось все сильнее, и отдыхающие ушли, только пара теней все еще резвится на песке. Они ничего не боятся, ни шторма, ни смерти, но дорожат жизнью. Их бой походил бы на игру, если бы не кровавое пламя костров, как на холстах Гойи, он походил бы на притчу, если бы не части тел, которым никак не найти душу, как на полотнах Пикассо, он походил бы на театр, если бы не Дали с картиной «Всадник по имени Смерть». Где скелет торeadора верхом на костлявой лошади штурмует крепость. Смерть в образе дохлой клячи, бык – каменной неприступной крепости. Матадор намерен ее штурмовать, чувствуя, что сидит верхом на смерти. Вдалеке из-за толпы в образе тучи виднеется радуга, символизирует любящую женщину, она верит, что все закончится хорошо.

Психо 5

- А что это был за маскарад?
- Вы про голого мужика? Еще один чистый лист. Боялся, что вам бумаги не хватит для сочинения. Мне показалось, вы не заметили, – застегивал рукава Герман.
- Вы когда-то занимались спортом? – задумчиво прилепила конец ручки к губам Саша.
- А что, заметно?
- Заметно, что перестали.
- Это логично, когда что-нибудь начинаешь, сразу же что-то перестаешь. Замещение интересов.
- По-вашему, для женщины увидеть голого мужчину – как начать жизнь с чистого листа?
- Разве нет?
- А если он уже женат, какой же это чистый лист.
- Так листов много, переверните страницу.

Психо 10

Герман взял со стола четки и начал их перебирать, подбирая нужное слово. Скоро пальцы его нашли. Иногда только моторика могла сдвинуть тишину с мертвой точки. Именно поэтому иногда он прописывал свои мысли от руки. Мелкая моторика нужна не только детям, чтобы раньше начать говорить, но и взрослым, чтобы просто начать. Но тишину сломала Саша, вслед за листочком она подала и голос:

– Вот, все что получилось.

Герман взял кипу и посмотрел на рукопись.

– Изучаете почерк?

– Характер.

– Ну и как характер?

– Есть. И много. Ей достаточно легкого сквозняка, чтобы раздуть скандал. Со стороны этот пожар, в который она то и дело подбрасывает обиды и оскорбления, похож на конец отношений, на самом деле для женщины это только повод обратить на себя внимание, повод, чтобы прижали покрепче, держали и не отпускали. Проверка связи.

– Дело говоришь. Чего нет?

– Лицемерия. Довольно странно для актрисы.

– Этого у меня достаточно. Стоять у зеркала – уже лицемерие, не говоря уже о макияже перед спектаклем. Столько краски. Особенно если сказка.

– Братья Гримм, – сострил Герман. Шура красиво рассмеялась. В комнате стало светлее.

– А что о душе?

– Душе нужен дизайн.

– Хорошо, хоть не ремонт. – Значит, я по адресу, как известно, психолог – дизайнер души.

– Уже доверяете?

– Ну раз я все еще не ушла.

– Вот после таких ответов и начинаешь верить в женскую логику. А потом, бац! И неувязочка.

– Что-то личное? Обожаю личное. Это повышает уровень доверия в крови.

Здесь довольно уютно для кабинета. Хотя сначала было немного не по себе, – показала ямочки на своих щеках Саша.

– Я вам предлагал коньяк.

– Стараюсь обходиться без.

– Кабинет не кухня, но даже там всегда сначала не по себе, пока чаю не нальют.

– Или холодильник не откроют, – у Саши поднималось настроение.

«Потолок надо бы побелить», – следил за ее настроением Герман.

– Там люди хранят все самое дорогое. Из того, что портится в душе. Кстати, как там на кухне?

– Как обычно, пока не начнешь готовить.

– А вы готовите?

– А вы?

– Я нет. Мне некогда. Но если надо, я смогу подорваться. Когда я долго на кухне, мне кажется, что это не я, а она меня готовит. Пока еще не научилась получать от кулинарии радость.

– А надо бы.

– Вы считаете?

– Надо уметь радоваться жизни.

– Надо, но не с кем. Радоваться одной не получается – принимают за сумасшедшую.

Психо 4

– Нужно попробовать, получить роль, сыграть. Мне кажется, Хуана более интересная роль.

– Почему?

– Хуана – это стадия следующая, после Виктории. Просто Виктория оказалась умнее. Вроде тех быков, что не хотят играть в корриду. Их обвиняют в лени, равнодушии и уводят с арены обратно в стадо.

– Смеетесь.

– Нет. Только одна неувязочка. По сюжету Хуана некрасива. А знаете почему? Потому что любовница – это некрасиво.

«Как он глубоко копает, как точно, как тонко, как больно, режет скальпелем без анестезии. Мерзавец».

– Вы мстите мне за педиатра?

– Да ну, просто драматизирую. Вам не кажется, что любовница – это сценический образ. Она пытается образумить, публика, что жена. То пустые кресла, то аншлаг. Любовница режиссера не вы, а постановка.

Психо 6

– Надоедает все, что не меняется, люди должны меняться, с ними должны происходить метаморфозы, иначе они начинают доставать, и потом их просто перестают замечать.

– Как говорит наш режиссер, хотите, чтобы вас заметили, выберите правильно место.

– Ме-та-мор-фо-зы, – по слогам произнесла Шура. – Какое поэтичное слово, сколько в нем заложено.

– Да, очень много Овидия.

– А что делать. От мифов к реальности. Без эволюции никуда.

– Как только мы надоедим Богу, перестаем меняться, он нас бросит, это и есть сме...

– Смена поколений?

– Спасибо за синоним! И тогда он бросит страну, мы будем называть это экономическим упадком, или цивилизацию назовет варварством, а может быть, даже планету, в этом случае – апокалипсисом.

– А перемены на что?

– Перемены на то, чтобы отдыхать.

– Прямо как в школе, очень хочется перемен.

Эстакада-а-ресибир

Когда, оторвав взгляд от прекрасной герцогини, Тино снова вернулся на арену, третья терция уже началась. Было впечатление, что тореро и бык сцепились на большом борцовском ковре. Только у одного вместо рук была мулета, у другого – рога. И каждый действовал своей головой, бык – как оружием, матадор – как компьютером. Все мелочи были учтены в его обязательной программе, все детали, все нюансы. Но кроме мужества в ней оставалось место и для фантазии. Публика ахнула, когда, разбежавшись, тореро прыгнул на быка и, перелетев его рога, сделал кувырок на нем, оказался за его спиной как ни в чем не бывало.

– Ох, доиграется. Чего он тянет, – переживал отец.

Матадор ждал, когда бык окончательно выдохнется, чтобы нанести ему завершающий удар. «Пора», – дал он знак помощнику, и тот протянул ему шпагу. Матадор вытянулся в струну, чтобы сыграть прощальную эстакаду.

Тино увидел в бинокль, как маленькая герцогиня усиленно замахала веером, будто это и была та самая мулета. «Как она переживает за него». Когда взгляд Тино снова вернулся на арену, все уже было кончено. Скоро на песок под пасадобль выкатила, звеня бубенцами, тройка мулов, чтобы утащить шестьсот килограммов силы и мужества в ближайший бар на стейк.

На следующий день все газеты писали, что юная герцогиня обожает корриду. Этого было достаточно для Тино, чтобы он втайне от родителей поменял гитару на мулету. Когда правда эта открылась, было уже слишком поздно, чтобы убедить вернуться Тино с песочной арены обратно в класс гитары. Отец вышвырнул Тино из своей жизни и долго не разговаривал. «Лучше бы выпорол», – говорила мать. Ей стоило сил, чтобы образумить обоих. Говорят, даже булочки в пекарне после этого стали грубее. На бои своего сына отец никогда не ходил.

Психо 7

- У вас есть время на телевизор?
- Да, иногда я смотрю новости, ну и под настроение один сериал забавный.
- А что за сериал?
- «Амарго», горький значит по-испански.
- Настолько горький?
- Да, не дает забыть, где мы здесь и где мы сейчас. А вы что смотрите?
- ТВ не люблю, но есть один сериал, который я не могу пропустить:

Там история одного малыша, который после сложных родов вышел на свет слепым, а потом, как выяснилось, и глухим. Все из-за ошибки врачей. Хорошо, хоть с матерью ему повезло, она борется за него. Теперь каждый день я читаю сводки о состоянии мальчика. Ну, и счет там есть для помощи. Глаза у него такие большие, никогда не подумаешь, что он ничего не видит, – на глазах ее выступило сострадание, оно тупило, иначе как было заставить умолкнуть все остальные обстоятельства, что сжирают всю нашу человечность живьем.

– Раньше говорили ошибка природы, теперь – ошибка врачей. Надеюсь, что он увидит солнце.

– Я тоже верю. Сколько таких искренних черно-белых фильмов снимается онлайн на очень личных страничках интернета. Теперь хоть можно крикнуть миру SOS. Родители в роли режиссеров или верные друзья, они собирают средства в надежде отснять белую полосу этой жизни. Счастливую.

– Теперь я понимаю, за что я люблю черно-белое кино, сразу две стороны жизни, черная и белая, – Саша убрала сострадание одним движением. – Вы открываете мне глаза.

– Нет, только дверь, – засмеялся Герман.

Актриса смогла искренне улыбнуться и продолжила серьезно:

– Удивительно, ведь мы родились в порядке, и зрение есть, и слух, а потом многие как-то утратили эти органы, теперь не видят и не слышат, только несут пургу с высоты карьеры.

– Я бы сказал карьера, – добавил я.

– А внизу пропасть.

– Если вы про пасть, Саша, то она ненасытна, сколько туда ни кидай. Откуда в вас столько сострадания?

– От противного, столько противного в жизни встречаешь, что просто не можешь с этим мириться, может быть, еще и от бабушки, которая меня учила любить жизнь. «Не надо каждый день жить, как последний. Не надо. Проживи лучше жизнь, как один день, красивый незабываемый день, Нет, лучше как один день и одну ночь, красивую незабываемую ночь». Последнее предложение она добавила, когда я уже повзросела.

Психо 7

– Странно...

– Что странно?

– Мы уже столько времени наедине, а вам никто не звонит, даже не пишет, – взял я в руку бокал с коньяком.

– Я выключила звук. Если это имеет отношение к делу, – потянулась она, подняла со стола клатч и достала оттуда свой телефон: пять непринятых вызовов, сто двадцать три сообщения.

– Красивым тяжело – их все хотят. Поклонники?

– Я бы сказала, противники. Вы думаете, я сразу к психологу пошла? Сначала захотелось узнать, что думают по этому другие. Я же изучала эту тему, торчала в одном форуме «Любовница». Вызывая огонь на себя, я прикинулась любовницей, интересно было услышать мнения других людей на этот счет, женщин, мужчин.

– Женщины, наверное, в основном?

– Женщины всегда в основном.

– А почему противники?

– Столько на меня было вылитو противного. Надо почитать, чтобы понять. Но там не для слабонервных, иногда женщины голые пробегают.

– Куда бегут?

– За мужчинами. Мужчин мало, искренних, открытых, либо играющие в циников, либо интроверты, либо трезвенники. А разговаривать о здоровом образе жизни надоело, хочется здорово жить.

– То есть в основном осуждают?

– Ага, инквизиции на меня нет. Вызываю огонь на себя. Пока не погаснет. Потому что каждый интересный разговор где-то к двум часам ночи скатывается к теме одиночества.

– За тех, кто в чате!

Герман сделал чересчур большой глоток коньяка, и лицо его стало горьким.

– Я смотрю, доктор любит выпить. Уже третий стакан. Может, стоит закусить?

– После третьей не закусываю. После третьей я отливаю, так сказал бы мой пес. Извините, – поднялся с кресла и поставил стакан на стол Герман.

– Смешно. Представила ваш туалет, а внутри столб или дерево. У вас есть собака?

– Есть.

– А вы молчите.

– А что мне – лаять, что ли?

– Лайте.

Германа вдруг лизнул в щеку лабрадор, которого на время переезда он отдал родителям, услышал его лай и понял, что соскучился. Вспомнил, как недавно жарким летним днем тот весело гонялся за желто-розовой бабочкой. Стоило мне крикнуть, как он остановился, глянул на меня как на обстоятельство: «Неужели и тебе, старик, тоже захотелось побегать за кем-нибудь?» и поскакал дальше за бабочкой. «Нет», – я стоял и продолжал наблюдать. «Может, старость? Зрелость? Мудрость? Все равно не догонишь. Как ему не лень в такую жару? Да, дело не в жаре и даже не в бабочке, дело в голове. Откроешь в голове собственное дело, и пропал – на жизнь времени не хватает. Одни живут, другие наблюдают». Пес продолжал лаять и дурачиться. Уши его вздымались, когда он кидался на бабочку, словно огромный бык на мулету. Снова промах. Чем не коррида? Добрее не придумаешь.

– Давайте Луну. Буду лаять.

– Кстати, вчера должна была выступить самая большая луна за шестьдесят восемь лет. Я вышла на улицу. Подняла голову на сцену. Облака, как занавес. Больше ничего не видно. Хоть бы кто месяц к небу прибил.

– Медведицы испугалась. Спряталась. Вы тоже с собакой гуляли?

– Нет, у меня нет собаки. Сбежала как-то на прогулке, так и не нашли.

– Грустно.

– Цена свободы, – паутинка печали на мгновение затянула ее лицо.

– Мы оба циники.

– Я от вас заразилась.

Лас-Бентас

Горнисты и ударники подали сигнал об окончании первой терции.

Вместе с ним двадцать семь тысяч зрителей Лас-Бентас застыли в ожидании. Тореро сел на колени прямо напротив ворот, откуда бык вот-вот должен был вырваться, обожженный каленым железом. Тореодор, застыв в позе орла, вскинул руки, в каждой из которых по бандерилье, ждал быка посреди большого круглого пляжа, зажатого в кольцо стен из красного кирпича с изразцами в арабском стиле. Сверху все напоминало мишень, где тореро в самом ее яблочке ждал своей пули.

Сначала одна бандерилья, затем другая проткнули плоть.

Наконец, всем принесли бифштекс. Красное густое опьяняющее страстью вино полилось в бокалы, когда вечером вся куадрилья Тино решила отпраздновать победу в одном из баров. Вся команда заняла столик напротив сцены, на которой уже устроили свои разборки в стиле фламенко местные музыканты. Женщина лет тридцати, словно матадор, махала своим плащом перед гитаристом, вызывая его на бой, она рисовала каблукками и костяшками кастаньет сложный узор звуков, чтобы привлечь быка, соблазнить, проникнуть к нему в душу, чтобы ранить затем в самое сердце. Она пела, и голос ее висел, словно дым сигарет в помещении, то затягивался, то, выдохнутый, взмывал вверх, чтобы обрушиться сверху громом, чтобы вновь рассеяться, уступая место гитаре.

– Непростая штучка эта твоя Виктория.

Тино не слушал. В этот момент он был на сцене. Он представил, что это герцогиня сейчас танцует перед ним.

– Проткнешь ее сегодня своей бандерильей? – подтолкнул его в локоть чей-то голос.

Тино хотел взорваться, но сдержался, увидев пьяное лицо Кики:

– Да какой там! Я не знаю, что с ней происходит. Вроде все было отлично, а потом какая-то глупая ссора. Теперь близко к себе не подпускает. Подождем. Девушка не бык, к ней нужен особый подход.

– Ты так считаешь? Пока ты общаешься с ее родителями, с ее собаками, кое-кто уже подошел и напел в уши.

– Ты о чем? – одним глотком допил вино Тино и резко повернулся к Кики. Говорят, что она спуталась с каким-то гитаристом из Англии.

– Кто говорит? – Тино схватил его за ворот рубашки.

– Люди. Может, брешут, – перехватил его руку Кики. Тино отпустил.

– Надеюсь, – он махнул рукой бармену и без слов попросил у него еще вина. – Надо выпить.

– Настоящая женщина как коррида. Никогда не знаешь, чем закончится, победой или поражением.

– Да, с нами проще.

– Далась она тебе. Смотри, сколько девушек готовы сесть к тебе на колени по первому твоему жесту. Видел бы ты, как сестра Виктории наблюдала за твоим выступлением. Сколько страсти на лице, сколько желания.

– Ты про Хуану?

– Она, может, не такая красивая, но точно умнее.

– И ты туда же, куда и все.

– Куда?

– Знаешь, в чем проблема людей? Всем нужна любовь, но не все готовы любить.

– Готовы, Тино. Еще как готовы. В общем, хватит умничать. Знаешь, к чему я клоню? Хуана просила тебе передать, что ждет сегодня ночью вот по этому адресу, – сунул Кики бумажку в ладонь Тино.

– Да не пойду я никуда! – выбросил записку Тино. – Кстати, откуда ты ее знаешь?

– Знаю, это только ты ничего не знаешь или делаешь вид, что не знаешь, – Кики поднял бумажку и сунул ее Тино в карман рубашки. – Мое дело передать. На твоём месте я бы уважил принцессу.

– Вот и уважь, – залпом проглотил еще один стакан красного Тино.

– Меня никто не приглашал. Я не настолько крут, чтобы входить в королевские покои. А ты сходи, развейся, напейся королевской крови, что ли. Месть лечит, матадору унывать не к лицу.

Любо 1

К: Если твой мужчина всегда прав – значит, ты без прав.

У: Женщина всегда права, если она не права, сделай ее правой, зачем тебе левая женщина.

А: Хуже, когда без чувств.

С: Меня тактильное интересует. Я просто хотела узнать, как это вообще тело из чужой постели. Только что был с женой, потом приезжает к тебе. Не противно?

У: Об этом не думаешь.

К: Жена на разогреве.

К: А любовница как хедлайнер.

А: А потом стараешься не думать.

Ж: Затем стараешься, но все равно думаешь.

К: Последняя стадия: думаешь только об этом.

К: Женщины как дети. Они хотят внимания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.